

И.И. Янушевич, кандидат исторических наук, доцент, зам. декана гуманитарного факультета БГУ (г. Минск)

ИЗМЕНЕНИЕ СТАТУСА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

В статье проводится анализ изменения статуса Русской православной церкви в период 1914–1919 гг. Рассматриваются основные направления конфессиональной политики Советской власти.

Взаимоотношения государства и церкви всегда являлись важным фактором социально-политического развития общества. Коренные изменения характера государственно-церковных отношений в конце 1980-х–начале 1990-х гг. в рамках общих изменений в стране требуют осмысления и изучения и с научно-теоретической, и с практической точки зрения. Безусловно, данное исследование не может быть ограничено временными рамками. Невозможна полноценная разработка вопроса без обращения к историческому опыту. Проблемы духовно-нравственного состояния современного общества тесным образом связаны с

атеистическим экспериментом большевиков, который во многом стал возможным вследствие преобразований в Русской православной церкви (РПЦ) Петра I.

Исследование конфессиональной политики большевистской партии, несмотря на целый ряд серьезных современных научных работ, скорее всего еще достаточно долго будет весьма актуальным. Одной из причин является то, что деятельность религиозных организаций изучалась в СССР только с точки зрения исполнения советского законодательства и соответствия установкам партии. Приклеенный в 1917 г. ярлык контрреволюционности являлся исходным. Полное отсутствие возможности критического анализа деятельности партийно-государственных органов в антирелигиозной сфере определяло слабый научный интерес исследователей к данной проблематике.

Стоит отметить, что внешние преимущества Православной церкви перед другими неославными течениями в дореволюционной России не отражали реальной действительности. Церковь была, по сути, порабощена самодержавием. Священники должны были выполнять государственный идеологический заказ, многие положения которого не соответствовали социальной доктрине Церкви. Используя РПЦ в своих целях, государство, по сути ничего не давало взамен. Ни Синод, ни епископы не могли принимать какие-либо значимые решения самостоятельно, не могли оказывать существенного влияния на их принятие. Задачей клира было только исполнение. Низшее духовенство должно было беспрекословно (не только в силу церковных правил. — И. Я.) подчиняться руководству. Материальное положение большинства, особенно сельского, духовенства было весьма неудовлетворительным. Сыновья священников практически в большинстве своем вынуждены были становиться клириками, даже если они, по сути, были атеистами [1, с 474]. Наряду с духовным потенциалом пастырей падал и образовательный. Вместо подготовки высокообразованных священников правительство всячески ограничивало получение духовенством хорошего образования и старалось выпустить священника-требника.

Начало XX столетия только усугубило ситуацию. Провозглашенные религиозные свободы поставили Православную церковь в неравное положение по сравнению с другими религиозными течениями. Церковь, принужденная правительством исполнять роль идеологического надсмотрщика за населением в условиях сложившейся социально-политической ситуации, по сути, сама отторгала от себя приверженцев. В то время как иные культы во многом были свободны в организации своей деятельности и в возможности выдвижения лозунгов и идей, более насущных и востребованных населением. Правительство, обер-прокуроры, да и царь, не предпринимавший каких-либо действий, упорно пытались ограничить духовное значение православия, вменить ему только охранительную функцию. Однако, несмотря на два столетия выхолащивания Петром и его наследниками основ православия и огосударствления клира, стремления к восстановлению истинной Церкви в стране были сильны. Среди священнослужителей всех уровней были те, кто обладал и духовным, и интеллектуальным потенциалом. Вместе с радикализацией мировоззрения части населения многие клирики и миряне начали осознавать истинную роль православия в жизни государства и общества. Они осознавали, что внешняя сторона (торжественные юбилеи, строительство новых храмов, учреждение братств и т.д.) не соответствовала внутренней (расцерковление общества, отречение от идеалов, атеизм части духовенства, отрыв его от «пасомых»). В

условиях начавшейся Первой мировой войны первостепенной была задача освобождения Церкви из бюрократических пут. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, не отвечая на острые вопросы времени, РПЦ отдаляла себя от людей. Наблюдалась политизация духовенства. Церковь не обладала должным потенциалом для противодействия распространению нетрадиционных религиозных учений и радикальных политических идей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а взамен этих добрых отношений развивались недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [2, с. 26]. Ни царь, ни его окружение не предприняли мер по укреплению авторитета Православной церкви и ее служителей, не осознали истинную ее роль в жизни российского народа. Между тем государство и Русская православная церковь практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [3, с. 168]. Игнорирование этого верховной властью привело к событиям 1917 г. и к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России.

Молодое большевистское государство оказалось перед выбором модели государственно-церковных отношений. Традиционно с изменением политического руководства изменялось и положение Церкви или его руководства. И ежели до 1917 г. эти изменения не носили очевидных катастрофических последствий, то с установлением власти большевиков ситуация коренным образом изменяется. Программные документы партии требовали ликвидации религии и церкви. Советское государство объявило им войну. Реальная конфессиональная политика далеко не во всем основывалась на рациональном начале, марксизме, интересах общества, государства да и самой партии. Представляется, что личный интерес, частное видение проблемы, теория мировой революции становились во главу угла. Внешне может показаться, что в антицерковной политике большевиков отсутствует здравый смысл, присутствует оторванность от реальной действительности.

Идеологическим фундаментом борьбы против религии и церкви являлся марксизм. Его основоположники четко указывали на вредность религии и церковных организаций и о необходимости их ликвидации. Они утверждали, что религия – колоссальный фактор общественного развития, который невозможно ликвидировать операционным путем. К. Маркс указывал, что исчезновение религии должно произойти в результате общественного развития, в котором важная роль принадлежит воспитанию. Большинство в руководстве партии понимали, что борьба с религиозностью или укоренение атеизма – процесс весьма длительный, на десятилетия. Однако не все властьпридержащие готовы были прислушиваться к подобным мнениям. И хотя богоборческую пальму первенства следует присудить В.И. Ленину, определившему стратегические задачи большевиков в данном направлении, все же непосредственно тактику реализации ленинских задач с одержимой энергией разрабатывал и направлял Л.Д. Троцкий. Именно его называли главным безбожником молодой страны Советов, «демоном революции». Именно Лев Давидович и являлся идейным вдохновителем наиболее жестких и во многом бессмысленных в плане целесообразности даже для партии большевиков антирелигиозных кампаний. С

особой яростью он стремился уничтожить православие, да и к иудаизму у него было точно такое же отношение. Следует отметить, несмотря на значительный политический вес Троцкого в установившемся в октябре 1917 г. строе он был лишь составной частью отвергнувшегося «горнила революции».

Русская Православная Церковь являлась стратегическим идеологическим противником большевиков в их претензии на права влияния на мировоззрение населения. В самом деле наблюдался процесс «противоборства господствующей псевдорелигии со всеми остальными религиозными течениями» [4, с. 317]. Необходимо было расчищать площадку для строительства человека нового типа. И здесь мы наблюдаем скорее закономерность, чем парадокс: «Советская государственность, хотя и провозгласила де-юре отделение (Церкви. – И.Я.), однако де-факто она является единственным в мире конфессиональным государством, в котором господствующей религией является воинствующий атеизм коммунистической секты» [5, с. 343]. Две религии не могут находиться одновременно в голове одного человека. После прихода к власти новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы религиозных организаций. Запрещалось преподавание вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Вместо веры в Бога усиленно пропагандируется атеизм и вера в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов». С установлением советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Вместо икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения – распевание революционных песен. Все религиозные действия ограничивались исключительно стенами богослужебных помещений. Вождь мирового пролетариата В. Ульянов (Ленин) становится руководителем и государства, и партии, и духовным пастырем. Культ личности, божественная непогрешимость, возвеличивание были характерны и яркому борцу против всяческих культов Л. Троцкому. Особенно это касалось его роли в создании и управлении Красной Армией.

Русская Православная Церковь, как крупный землевладелец, располагающий значительными материальными ресурсами, являлась весьма опасным противником для Советской власти. Уничтожение экономического базиса и организационной структуры должно было, по мнению лидеров партии, привести к самоликвидации религиозных организаций. В.И. Ленин полагал, а скорее всего только декларировал, что церковь, в частности Русская православная, рухнет, если отнять у нее экономический базис. Большевики пошли по пути максимального ограничения хозяйственной деятельности духовенства и церковноприходских советов. Уничтожение экономического потенциала РПЦ началось уже 26 октября 1917 г., когда Декретом «О земле» Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [6, с. 29]. Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» отнимал у религиозных организаций право собственности и право юридического лица [6, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи, непосредственно не предназначенные для богослужения. Все же Декрет не был смертельным для РПЦ. В дальнейшем мы видим, что она выжила и в более тяжелых условиях. Это понимали и лица, ответственные за уничтожение церкви. Увидела свет

инструкция о проведении декрета – еще более жестко регламентирующий церковную жизнь документ. Однако проходивший в Москве с 17 августа 1917 г. Всероссийский Поместный Собор за более чем год своей деятельности выработал оптимальный вариант устройства Церкви, и, по словам выдающегося православного историка В. Цыпина, «благодаря возрождению церковной соборности и восстановлению первосвятительского возглавления канонической Русской Православной Церкви оказался неуязвимым для подрывных раскольничьих акций» [7, с. 116]. Церковь выработала достаточную для функционирования модель устройства.

Таким образом, планы по выполнению пункта 13 Программы партии по борьбе с религией в течение 2-3 лет реализованы не были, собственно, как не были они в полной мере реализованы и к концу 1980-х гг. На места приходили новые, принимавшие сан по вере, по искреннему убеждению. Не умоляя заслуги и не подвергая сомнению уровень духовности, преданности православию дореволюционных клириков, многие из которых приняли мученическую смерть и были причислены к лику святых, рукоположенные после 1917 г. четко осознавали, что их деятельность будет связана со страданиями, неустойчивостью. Борьба с такими священнослужителями можно было только одним способом. Укреплялся в вере на примерах беззаветного служения убиенных и изгнанных пастырей и их семей и клир, и миряне, что никак не могло способствовать распространению атеизма.

Антирелигиозная деятельность вызывала недовольство граждан, подрывала авторитет партии большевиков и отнюдь не способствовала установлению мира и согласия в обществе. Внешне кажется, что в антицерковной политике большевиков отсутствовал здравый смысл, делалось все, чтобы настроить массы против власти, скомпрометировать советское строительство, вызвать недовольство, стимулировать выступления несогласных с целью получения повода для их максимального уничтожения. Миллионы людей заплатили жизнью за советскую конфессиональную политику. Изуверские методы уничтожения государственных, культурных, духовно-нравственных традиций Л. Троцким и его единомышленниками не были поддержаны всей партией и политическим руководством. По мере уменьшения влияния троцкистов методы антирелигиозной борьбы все более соотносились с задачами социалистического строительства и отвечали требованиям решаемых государственных задач.

Список литературы

1. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990.
2. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008.
3. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001.
4. Логинов, А.В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М.: БРЭ, 2005.
5. Булгаков, С.Н. протоиерей. Православие: Очерк учения Православной Церкви / протоиерей С.Н. Булгаков. – М.: Терра, 1991.
6. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1996.
7. Цыпин, В. Русская Церковь 1917–1925 / В. Цыпин. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996.

The article deals with the analysis of the changing status of the Russian Orthodox Church during 1914–1919 and the main trends of the policy of Soviet Power in the field of religion.